

КРИСТИНА ТОМ

The background of the cover is a soft, painterly illustration of a woman with long brown hair, wearing a light-colored shirt with small dark polka dots. She is shown from the chest up, embracing a dark blue silhouette of a man from behind. Her eyes are closed, and her expression is peaceful. The setting is a landscape with a body of water, trees, and a hazy sky in shades of orange, pink, and blue, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is romantic and nostalgic.

ЭХО
НЕЗАБЫТОЙ
ЛЮБВИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кристина Том

Эхо незабытой любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72683443

SelfPub; 2025

Аннотация

Осторожно: эта книга может вернуть вас к вашей первой любви. И помочь наконец ее пережить.

Все мы родом из того лета, из той первой любви, которая закончилась слишком рано. Для Тианы этим летом стал Нильс. И все последующие годы она бессознательно искала его в других – в дерзких и опасных, в собственниках и тиранах, в удобных и безразличных.

Ее история – как зеркало, в котором многие узнают себя. Поиск любви ценой потери собственного «я», надежда, что следующий мужчина станет лекарством от предыдущего.

Но судьба приготовила неожиданный финал. Случайная встреча заставит усомниться: а действительно ли первая любовь остаётся в прошлом? Или она ждёт всего за поворотом, чтобы начаться снова?

Эта история основана на реальных событиях, но имена и некоторые детали изменены.

Содержание

Глава 1	4
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	43
Глава 12	47
Глава 13	51
Глава 14	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кристина Том

Эхо незабытой любви

Глава 1

– Мам, это кто с тобой? – раздался за спиной уверенный, чуть насмешливый голос Киары.

Я обернулась. В её руках был мой старый дневник с потёртой обложкой. Между страниц торчала пожелтевшая фотография – уголок загнулся, но лица на ней всё ещё были чёткими.

На снимке – я и он.

Киара нахмурилась и протянула фото:

– Это твой друг? Или... парень?

Я невольно улыбнулась – в её тоне слышалось любопытство и лёгкая ревность.

Я взяла снимок, чуть дольше, чем стоило бы, задержав на нём взгляд. Сердце дрогнуло.

– Да, Киара, – тихо сказала я. – Это была моя первая лю-

бовь. Очень давно.

– А почему спрятала его в дневнике? – не отставала она.

– Потому что это память, – я пожала плечами, улыбнувшись чуть грустно. – Иногда прошлое лучше хранить в тишине.

Киара опустилась рядом, поджав ноги и прислонившись плечом. В её взгляде уже не было детской наивности – только искренний интерес.

– Расскажешь? – спросила она. – По-настоящему?

Я провела пальцем по выцветшей фотографии. Всё во мне отозвалось – будто прошлое вот-вот прорвётся наружу.

Стоило начать – и всё оживёт: смех, запах лета, слёзы, ошибки, первая любовь.

– Хорошо, – ответила я. – Но это длинная история.

Киара чуть улыбнулась и кивнула, словно готовясь слушать не просто рассказ, а признание.

Я открыла дневник и глубоко вдохнула.

Так всё и началось – в тот год, когда мне самой было пятнадцать.

Лето в деревне всегда начиналось с утра, которое пахло хлебом и сеном. Бабушка уже была на кухне: на столе – стоп-

ка свежих блинов и банка варенья. В тот момент всё казалось простым и светлым: уют дома, запах цветов, тёплый голос бабушки. День обещал быть солнечным, беззаботным и наполненным маленькими радостями.

После завтрака мы пошли на огород – рыхлили землю, сажали семена, поливали грядки. Работа была утомительной, но удивительно приятной: солнце ласкало спину, ветер шевелил волосы, а душу переполняло ощущение близости к природе. Возвращаясь, я думала о том, как же прекрасно – быть здесь, в мире простых дел и безмятежности.

В тот же день пришла Роксана – яркая, шумная, всегда в центре внимания. Мы договорились провести вечер вместе и к ночи вышли на прогулку. Бабушка строго-настрого запрещала возвращаться позже девяти вечера, но в тот день мы с Роксаной придумали хитрый план: сговорившись, получили разрешение на ночёвку друг у друга. Моё сердце колотилось от предвкушения свободы.

По дороге мы наткнулись на компанию ребят у местного клуба. Среди них был он – Макар: высокий, со светлыми волосами и взглядом, который будто не замечает меня. Он стоял немного в стороне, наблюдая за другими, и я почувствовала странное, щемящее любопытство. Сердце привычно екнуло. Я, как всегда – робкая и дерзкая одновременно, – попыталась поймать его взгляд, но он демонстративно отвернулся.

– Не рановато ли для таких прогулок? – раздался чей-то

голос.

Роксана, как ни в чём не бывало, ответила шуткой, и вскоре разговор перетёк в дружеский тон. Так мы познакомились с Нильсом и Рамилем – я видела их впервые. Нильс оказался спокойным, чуть отстранённым, но при этом внимательно наблюдал за мной.

«Он кажется таким уверенным... А что, если я скажу что-то не так?» – мелькнула мысль. Я заметила лёгкую дрожь в его пальцах, когда он поправлял волосы.

Рамиль же оказался весельчаком: сразу начал шутить и поддевать Роксану. Она подхватила его тон, и они быстро нашли общий язык.

А вот Нильс был совсем другим – спокойный, с внимательным взглядом, который будто видел больше, чем ты говоришь. Я заметила, что он слегка нервничает, когда я смущённо отводила глаза, и это делало его ещё более живым.

– Вы откуда? – спросил он негромко.

– Из города В, – ответила я. – На лето приехала к бабушке. Он кивнул и слегка улыбнулся.

– В деревне скучать не придётся. Здесь всегда шумно. Я тоже приехал на каникулы.

Ближе к ночи он неожиданно предложил:

– Если вам негде ночевать, можете остаться у меня в га-

раже. Там есть кровать, чистое бельё. Я сам останусь на веранде, не переживайте.

Я смутилась, но в его голосе не было ни намёка на подвох – только простая забота.

«Он действительно хочет помочь... или это ловушка?» – мелькнуло в голове. Но что-то в его взгляде оказалось честным, и я почувствовала лёгкое облегчение.

Роксана первая согласилась:

– Ну а что, давай! Всё лучше, чем домой возвращаться.

Мы пошли вместе. Гараж оказался чистым и аккуратным: на кровати действительно лежало свежее бельё.

– Устраивайтесь, – сказал Нильс и поставил на стол бутылку воды. – Если что-то понадобится – я рядом.

Мы поблагодарили его и улеглись. Роксана быстро уснула, а я долго лежала с открытыми глазами. Я заметила, что Нильс тихо сидит на веранде и будто старается не мешать. Это было странно приятно.

В голове звучали голоса ребят, мелькали улыбки, а больше всего – взгляд Нильса. Он был спокойным и тёплым, и от этого становилось немного тревожно.

Я не заметила, как провалилась в сон.

Глава 2

Скрипнула дверь, и в гараж влетел бодрый голос Нильса:

– Подъём, сони! Завтрак ждёт!

Я сонно приоткрыла глаза. Телефон показывал два часа дня – мы проспали полдня. К облегчению, он молчал: бабушка, видимо, не волновалась. Сухость во рту и тяжесть во всём теле напоминали о позднем отходе ко сну.

– Ты решил заморить нас голодом? – пробурчала Роксана, натягивая одеяло на голову.

– Сами виноваты, что поздно легли, – усмехнулся Нильс. – Я вас ждал, но еда уже остывает.

Мы выбрались из постели и направились на летнюю кухню, проходя через двор. На улице стояла жаркая июльская погода: солнце палило беспощадно, но лёгкий ветерок приносил приятное облегчение. Пушинки тополя мягко касались кожи, словно играя с нами.

В просторной комнате пахло свежесрезанной мятой и чаем. Массивный деревянный стол, плетёные стулья, глиняные горшки с цветами – всё дышало уютом. На столе дымился омлет с помидорами.

Я украдкой наблюдала за Нильсом. Он аккуратно раскладывал еду, казалось, продумывая каждую мелочь, и при этом слегка нервничал, опасаясь, замечу ли я, как он старается. Двигался спокойно, уверенно, словно всё делал для нас само собой – без лишних слов.

Я разглядывала его: мягкие черты лица, глубокие глаза,

меняющие цвет от голубого до зеленоватого, ямочки на щеках, когда он улыбался.

– У тебя есть парень? – вдруг спросил он, когда я села за стол.

Я чуть не поперхнулась.

– Нет... – ответила я, чувствуя, как сердце ускорило бег. Нильс улыбнулся уголком губ.

– Хорошо, – произнёс он так, будто в этих словах скрывалось больше, чем простая фраза.

Я не знала, что ответить, и опустила взгляд в кружку чая. Внутри всё перепуталось: смущение, радость, странное ожидание.

– Ты красивая, когда смущаешься, – добавил он, глядя прямо в глаза.

Я вспыхнула, отвернулась и сделала вид, что ищу ложку. Но улыбка всё равно выдала меня.

Роксана хмурилась и теребила край своей футболки – её явно раздражало, что внимание Нильса сосредоточено на мне. Она заговорила без умолку, рассказывая что-то про вчерашний вечер, перебивая и нас, и тишину. Идиллия рассыпалась, словно кто-то щёлкнул выключателем.

– Ну ладно, нам пора. Взрослые будут ругать, если не вернёмся вовремя, – решительно сказала она.

Мы вышли вместе. На улице воздух был жарким и густым

от запаха свежескошенной травы.

– Дашь свой номер? – спросил Нильс, когда мы уже стояли у калитки.

Я смутилась, но протянула телефон. Его пальцы едва коснулись моих – и я почувствовала неожиданное тепло. Он, кажется, тоже, хотя старался не показать волнения.

– Позвоню, – пообещал он.

Роксана резко фыркнула:

– Ну конечно. Все только её и замечают.

Она развернулась и пошла быстрым шагом.

– Подожди! – крикнула я ей вслед.

– Да оставь, – тихо сказал Нильс. – Она отойдёт.

Я пошла за Роксаной. По дороге она болтала без остановки о Рамиле – как он смешно шутит, как смотрел на неё. Я кивала, но мысли всё время возвращались к Макару: его холодность, его равнодушие – почему именно он всё ещё не выходил из головы?

Глава 3

Войдя в дом, я встретила с хмурым взглядом бабушки. Моё отсутствие её не порадовало. К счастью, она и подумать не могла, где мы на самом деле провели ночь.

Бабуля у меня – женщина непростая: бывший преподаватель физики и астрономии, строгая и рассудительная. Её всегда интересовало, чтобы мы держали себя правильно и с

умом.

Совість грызла меня, поэтому я постаралась хоть немного загладить вину: покормила животных, насыпала зёрен курам, нарвала свежей зелени для кроликов. Настроение бабушки постепенно смягчилось. Потом мы поели наваристого борща с фасолью, а после вместе пошли в баню. Простые деревенские дела возвращали тишину и покой.

Когда всё было сделано, я достала телефон и увидела новое сообщение. Незнакомый номер. На аватарке – Нильс: в чёрной толстовке, сидит на берегу озера и смотрит прямо в камеру – дерзко и чуть насмешливо.

«Привет, ночная гостья. Не хочешь прогуляться вечером?»

Я улыбнулась и быстро набрала ответ:

«Давай. Только я буду с Роксаной. И спасибо за гостеприимство».

Добавила смайлик и тут же позвонила подруге. Роксана подняла трубку мгновенно и пообещала скоро зайти.

К вечеру я уже привычно сидела перед зеркалом: немного макияжа, блеск для губ, на щеках – лёгкий румянец. Волосы выпрямила утюжком – кудри, которые так любила бабушка, я терпеть не могла.

Она появилась в дверях, глядя неодобрительно:

– Опять куда-то собралась?

– Просто прогуляемся с Роксаной, – ответила я самой невинной улыбкой.

– И зачем мучаешь свои чудные кудряшки? Они и так хороши.

– Мне так удобнее, бабуля, – вздохнула я.

Она только закатила глаза и молча удалилась в гостиную, уютно устроившись на маленьком диване и включив любимую передачу новостей.

Я натянула ярко-розовый топ и свои любимые потёртые джинсы небесного цвета. Вроде просто, но чувствовала себя в этом уверенно.

Возле калитки уже ждала Роксана. Её белокурые локоны были уложены идеально, глаза подведены тушью, а чёрное облегающее платье подчёркивало грациозность её фигуры.

– Ого, ты так нарядилась! Сегодня же даже дискотеки нет, – удивилась я.

– Надеюсь, Нильс позовёт Рамиля, – мечтательно вздохнула она. – Хочу, чтобы он меня заметил.

И снова потекла её бесконечная песня про Рамиля. Он был старше, казался ей взрослым и «крутым», но уже явно устал от её назойливости. Весь день бедняга то ли прятался, то ли отмалчивался в соцсетях.

Мы шли в сторону школы и столкнулись с Нильсом. Его улыбка согрела меня так, будто солнце выглянуло из-за туч. Он слегка поёжился, когда увидел Роксану рядом, и я заметила, что ему интересно, как я себя поведу.

Он пошёл рядом, и мы разговорились. Оказалось, что Нильс родился и вырос в этой деревне, а недавно уехал в город В., откуда я родом. Его родители, живущие здесь, уехали отдыхать, а он решил провести каникулы в деревне в одиночестве.

Мы бродили по знакомым улочкам. Местные девчонки украдкой косились на нашу компанию, и я знала: завтра вся деревня будет в курсе, что мы гуляли вместе.

С каждым шагом Нильс становился ближе – в прямом и переносном смысле. Он тихо думал, как не показаться навязчивым, но при этом не хотел отпускать меня от себя.

Он щекотал меня, смеялся над моим возмущённым лицом, отпускал шуточки. И каждый раз, когда он касался меня, я чувствовала это странное, пугающе-сладкое притяжение.

Роксана всё больше мрачнела. Она отставала, молчала, а потом не выдержала:

– Позови Рамиля, – потребовала она.

Нильс нехотя достал телефон. Но, узнав, что рядом будет Роксана, Рамиль отказался выходить.

– Что?! – Роксана вспыхнула. – Это из-за тебя!
Она обрушила злость на меня, голос её срывался:

– Зачем я вообще пошла? Зря только время потеряла!
Её раздражение выливалось в крик. Она резко толкнула меня плечом, так что я едва удержалась на ногах.

– Эй, не трогай её, – вмешался Нильс.

Она бросила раздражённый взгляд, развернулась и почти бегом ушла в сторону дома.

Я осталась с Нильсом, и в груди возникло странное чувство: с ним рядом всё казалось и страшным, и правильным одновременно. Он тоже немного нервничал, но пытался не показывать этого, улыбаясь так, будто мир вокруг нас перестал существовать.

Глава 4

Сквозь извилистые улочки деревни мы ходили круг за кругом, разговаривая обо всём – от местных пейзажей до смешных историй. Но снова и снова возвращались к теме Роксаны. Я чувствовала вину за ссору и одновременно досаду на её вспыльчивость.

Рядом с Нильсом было удивительно спокойно и безопасно – словно я нашла тихую гавань после бури. Он слушал внимательно, почти не перебивая, иногда бросая короткие, но меткие замечания. Казалось, мы понимаем друг друга с полуслова.

И всё же я всё яснее ощущала: его чувства не ограничиваются дружбой. Взгляд задерживался дольше, чем следовало, пальцы то и дело легко касались моей руки или плеча. Постепенно я поняла – Нильс влюблён.

К концу вечера он проводил меня до дома. Обнял крепко, чуть дольше, чем принято, и я уткнулась лицом в его плечо. Мир на мгновение сузился до его дыхания и тепла его рук. Когда он отпустил, в воздухе повисло невысказанное слово.

В комнате я бросилась на кровать – голова кружилась от противоречий. Почему мысли всё равно возвращаются к Макару? Он равнодушен, холоден, и всё же именно его лицо я рисовывала в своих мечтах, подменяя им Нильса.

Я решила написать Макару письмо – откровенное,

полное смятения и надежды. Закончив, включила музыку, уткнулась лицом в подушку и провалилась в полусон.

Телефон завибрировал. Нильс написал:

– Завтра дискотека до утра, отпросись у бабушки.

Сердце бешено застучало. Я знала: там будет и Макар. И я обязательно должна туда попасть.

Следующий день я посвятила бабушке – помогала на огороде, мыла банки для заготовок, кормила животных. Кажется, я стараюсь искупить вчерашние тайны. Бабушка хмурилась, но, увидев моё усердие, смягчилась.

За обедом я осторожно намекнула на дискотеку и ночёвку у «подруги». Она колебалась, но всё же кивнула. Радость хлынула во мне, словно открылась дверь в долгожданную свободу.

Перед зеркалом я задержалась дольше обычного. Подводка подчеркнула серо-голубые глаза, тушь добавила взгляду глубины. Я надела красное платье, облегающее талию, – и сама себе показалась новой.

На углу ждал Нильс. Его радостная улыбка согрела меня, но когда он попытался взять за руку, я мягко отстранилась. Он замолчал, пряча досаду, и лишь поддерживал разговор.

Возле клуба толпились подростки: гул голосов, смех, запах дешёвых духов. Роксана уже была там – нарядная, смеющаяся рядом с местным пареньком. Наши взгляды встретились – и между нами промелькнула искра соперничества.

Мы с Нильсом провели начало вечера вместе: болтали, пили лимонад. Когда заиграла медленная мелодия, он пригласил меня на танец. Его рука легла на мою талию, пальцы скользнули к затылку. Я почувствовала в его движениях заботу и желание удержать меня рядом.

Именно в этот момент появился Макар. Его появление было как удар грома, а взгляд прожёл меня изнутри. Он подошёл и резко схватил за руку:

– Пойдём. Надо поговорить.

– Она никуда с тобой не пойдёт, – резко сказал Нильс, встав между нами. Голос его дрогнул, но он стоял твёрдо, впервые осмелившись так открыто пойти против Макара.

Макар метнул на него взгляд – казалось, воздух похолодел. Я торопливо вмешалась:

– Всё в порядке! Я скоро вернусь.

Мы вышли из клуба, оставив шум и свет позади. Ночь встретила нас звёздами и кваканьем лягушек в траве. Макар сел на поваленное бревно и закурил, будто не замечая моего смятения. От него ощутимо пахло алкоголем. Я понимала: будь он трезв, возможно, не подошёл бы ко мне вовсе. Но именно эта внезапная, пьяная смелость сделала его ближе, чем когда-либо.

– Зачем тебе Нильс? – его голос звучал сурово.

– А почему я не могу с ним общаться? – растерянно ответила я.

– Потому что он... не для тебя. Ты слишком хорошая. Он только испортит тебе жизнь. Я обещал Георгу заботиться о тебе.

Я поморщилась от имени, которое не хотела больше слышать.

– Давай без него.

Он выдохнул дым и мягко посмотрел на меня:

– Оставайся подальше от Нильса. Ты ведь умная девочка.

От этих слов сердце трепетнуло, и когда он осторожно коснулся моей руки, я позволила себе раствориться в этом мгновении. Его губы нашли мои, и поцелуй закружил сильнее музыки. Время исчезло – остались только он и я.

Позже мы пошли к озеру и разожгли костёр. Огонь отражался в его глазах, запах алкоголя смешивался с дымом, а руки обнимали крепко, будто боялись отпустить. Эта ночь стала нашей тайной. Мы не заметили, как костёр догорел, и лишь утро напомнило, что пора возвращаться.

Когда я вернулась, Нильс ждал у крыльца клуба – растерянный и взволнованный. Он хотел что-то сказать, но я лишь коротко попрощалась. Его взгляд пронзил болью, и всё же я шагнула дальше – туда, где уже ждал Макар. Он предложил

пойти к нему, и я согласилась.

В ту ночь мы почти не спали – разговаривали, смеялись, а потом просто уснули рядом. Внутри разливалась горькая смесь радости и вины. Я знала: предала Нильса, пусть и не обещала ему ничего. Но рядом с Макаром мир казался другим – ярким, полным опасности и обещаний.

Теперь между нами не было стены. Я не знала, куда заведёт эта дорога, и всё же шла вперёд, позволяя себе быть счастливой хотя бы сейчас.

Глава 5

Едва пробило семь часов утра, как на телефоне Макара зазвенел громкий будильник. Он резко подскочил и, будто ничего не произошло ночью, торопливо бросил:

– Вставай, собирайся. Я обещал матери помочь.

Голос звучал сухо и отстранённо – в нём не было ни тени вчерашнего тепла. Будто все объятия и поцелуи остались где-то в другой жизни. Он почесал затылок, отвёл глаза, словно ему было неловко, но признаться в этом не соби-рался.

– Пока, – коротко бросил он, уходя прочь.

Я осталась одна среди тишины, где даже ветер и стрёкот кузнечиков казались насмешкой. Будто внутри поселился камень. Возвращаться домой рано не хотелось: бабушка могла засыпать расспросами. Я отправилась бродить по деревне, пытаясь найти утешение в привычных запахах – све-жего сена, влажной земли, даже конского навоза у фермы. Всё это казалось ближе, чем Макар сейчас.

Позже, дома, я поставила телефон на зарядку и увидела сообщение от Нильса:

«Ты ужасно поступила. Надеюсь, твоя выходка того стои-ла. Счастья вам с Макаром».

Вина прожгла изнутри. Я написала: «Прости». Но ответа не последовало.

Время тянулось мучительно: книги не читались, работа по дому не отвлекала – мысли всё равно возвращались к одному – к Макару. Я ловила каждую вибрацию телефона в надежде, что это звонок от него, но он не объявлялся.

Вечером позвонила мама:

– Доченька, напомню, завтра тебе нужно вернуться пораньше в город. Билет уже куплен. В шесть пятьдесят будь на станции.

– Но... может, позже? Я же ещё...

– Нет, дорогая. Нужно успеть к школе, купить вещи. Потом снова съездишь, если захочешь.

Я опустила голову. Хотелось остаться здесь хотя бы на месяц – я только-только начала понимать себя. Но выбора не было.

Перед уходом я решила: достала письмо, написанное ночью для Макара, вложила его в конверт и пошла к его дому. На крыльце встретила его младшую сестру и попросила передать. Уходила быстро, боясь столкнуться с ним лицом к лицу.

Но судьба будто нарочно задержала меня. Я шла медленно, всё оглядывалась назад, и внутри нарастало тревожное ожидание.

На главной улице я увидела белую машину. За рулём си-

дела девушка с тёмными волосами, собранными в аккуратный хвост. На её носу блестели очки в чёрной оправе. Внутри были Макар и его друг. Макар заметил меня первым и жестом пригласил отойти поговорить. Он выглядел так, будто собирался на неприятный разговор: сжал губы, сунул руки в карманы, и глаза его блуждали по земле.

– Тиана, – его голос звучал мягко, но устало. – Я прочитал твоё письмо. И... должен быть честен. Вчера я был пьян. Наверное, поэтому позволил себе больше, чем следовало. Ты хорошая. Очень. Но слишком юная для меня. А у меня есть девушка. Её зовут Венера.

Он кивнул в сторону машины. Девушка смотрела на нас, и в её взгляде не было злости или ревности – лишь внимательное спокойствие. Я заметила, как она слегка улыбнулась, будто хотела подбодрить меня, хотя её присутствие было ножом в сердце.

– Мы познакомились в интернете, – продолжил Макар. – Она приехала сегодня. И... всё серьёзно.

Слова выбили почву из-под ног. Вчера он был другим – живым, тёплым, моим. А сегодня его губы произносили чужое имя. Он замолчал, будто хотел добавить что-то ещё, но сжал челюсть и отвернулся. В тот момент я поняла: всё решено.

Я кивнула, не находя слов, словно во мне что-то треснуло. Когда я вернулась домой, глаза горели, будто от дыма. Я собирала вещи на электричку и старалась не думать. Но те-

лефон снова завибрировал.

Сообщение было от незнакомого номера:

«Привет, я Венера».

Я замерла, не зная, чего ждать. Но слова оказались неожиданными:

«Я понимаю, тебе больно. Но пойми и меня: мы с Макаром вместе. Я не хочу вражды. Если хочешь, можем поговорить... или даже подружиться».

Её текст звучал спокойно, без тени упрёка. Я перечитала сообщение несколько раз и всё равно не могла поверить, что пишет именно та девушка, которая только что сидела за рулём. В её словах не было высокомерия – только зрелость и какая-то тёплая уверенность. И вдруг стало чуть легче.

Ночь я провела в раздумьях. Завтра меня ждал пятичасовой путь в город. Впереди – новая жизнь. Но сердце осталось здесь, в деревне, среди запаха травы, неразрешённых чувств и той дороги, которая оборвалась так внезапно.

Глава 6

Моя дорога домой тянулась бесконечно. За окном мелькали одинаковые картины: серые поля, густой лес, редкие домики. Иногда начинался мелкий дождь, будто вторя моему настроению. Под мерный стук колёс я слушала музыку и, уставившись в мутное стекло, снова и снова прокручивала в памяти лето.

На вокзале меня встретили мама и младший брат. Тепло обняли, посадили в машину, и вскоре мы уже поднимались на привычную возвышенность к нашему девятиэтажному дому. Родные лица ждали за каждой дверью – бабушка, дедушка, тётя, двоюродный брат. Казалось, жизнь здесь состоит из бесконечного круга встреч и забот.

Мама приготовила обед и осторожно расспрашивала о деревне. Я рассказывала только о красивых мелочах – запахе сена, речке, кострах у озера. Всё остальное оставила при себе.

Дни в городе тянулись вязко и однообразно. Мы ходили по магазинам, готовясь к школе; я навещала стоматолога, а до первого сентября оставалось ещё три недели.

Однажды вечером меня сломала простуда: температура поднялась почти до сорока. В полусне я сделала фото термометра и выложила его в социальную сеть. Через несколько минут на экране всплыло сообщение от Нильса:

– Маленькая моя, что с тобой?

Я улыбнулась сквозь жар.

– Простыла. Нильс, прости меня за всё.

– Забудь. Главное – поправляйся скорее! – и в конце сердечко.

От этих слов по коже пробежали мурашки, а болезнь будто отступила. Через пару дней он предложил:

– Давай я куплю тебе билет, и ты приедешь. Мы проведём месяц вместе: будем гулять, встречать закаты, смеяться.

Я долго смотрела на экран, потом написала:

– Я бы с радостью. Но нужно поговорить с мамой.

Пришлось рассказать ей про Нильса. Мама слушала молча, потом разрешила, напомнив, что осторожность и благоразумие никто не отменял. Договорились: жить я буду у бабушки, но ночевать иногда можно будет и у него.

Когда я окончательно выздоровела, Нильс прислал билет. И снова дорога, вагон, запах пирожков на вокзале, незнакомые лица. Вечером электричка прибыла в деревню, и там уже ждал он – на отцовской машине, хотя прав у него не было.

Доехав без происшествий, мы решили не тревожить бабушку и переночевать у него. Ночью бродили по улицам, слу-

шали тишину, делились тайными мыслями.

– Ты не представляешь, как я рад тебя видеть, – сказал Нильс, глядя так серьёзно, что у меня защемило в груди.

– А я поняла многое за время разлуки, – ответила я тихо.

Мы вышли на пустырь возле роши и легли в траву, глядя на звёзды. Когда одна из них сорвалась с неба, я зажмурилась и загадала: пусть он меня поцелует.

– О чём загадала? – улыбнулся он.

– Не скажу. Иначе не сбудется.

Нильс вдруг наклонился, стал игриво щекотать, и я уже не смеялась – сердце билось так громко, что казалось, его слышно в ночи. Его глаза притянули мой взгляд, и губы коснулись моих. Поцелуй оказался горячим, долгим, будто в нём растворилось всё лето.

Страсть нахлынула, но вместе с ней – страх. Я не была готова к большему. И он понял это: остановился, просто обнял, позволил мне самой решать, когда буду готова.

Мы заснули под утро, уставшие и счастливые. Я знала: теперь у меня есть человек, которому могу доверить сердце. Но скоро предстояло проверить – смогу ли я открыть ему и свою слабость.

Глава 7

Утро выдалось тихим и ясным. Мы просыпались медленно, будто боялись спугнуть уют. Я лежала на груди Нильса, слушала его ровное дыхание и чувствовала, как моё сердце бьётся в такт его ритму. Никогда раньше я не знала такого спокойного счастья. Казалось, время застыло, позволяя насладиться близостью.

Я уже не сомневалась: я влюбилась. Наверное, это случилось ещё в тот день на летней кухне, когда впервые встретила его взгляд – и весь мир вдруг изменился.

Нильс осторожно перебирал мои волосы, его ладонь крепко держала мою руку. Уходить от него не хотелось, но впереди ждала бабушка, которой я должна была рассказать о своём возвращении.

– Я не отпущу тебя, – прошептал он, коснувшись губами моих волос.

– Увидимся вечером, – пообещала я, целуя его в щёку.

Музыка, внезапно загрепевшая из колонки, разрядила нежность: мы умывались и чистили зубы под ритм мелодии, дурачась и смеясь. За завтраком он снова проводил меня, а я отправилась к бабушке.

Она встретила меня радостно, прижимая к себе и засыпая вопросами. Вернувшиеся из отпуска дядя, тётя и маленькая

Ариана тоже собрались за столом. Я отвечала, но мысли всё время ускользали к вечеру и к нему.

Нильс пришёл, когда солнце клонилось к закату. Я нарядилась в короткую джинсовую юбку, тёмную футболку и кеды, а лёгкий макияж придавал уверенности.

Он предложил прогуляться к сопке с вышкой. Мы шли, держась за руки, мимо старых деревьев и домов, а дорога постепенно уводила нас вверх, в прохладную тишину леса. Вдруг Нильс остановился, протянул мне красный маркер, а сам взял чёрный. На гладком камне мы написали имена и половинки сердца. Он спрятал камни под ветвистой ивой и сказал:

– Через год найдём их снова.

В груди стало тепло – такие простые вещи превращали нашу историю в особенную.

Когда мы добрались до вершины, перед глазами открылась металлическая башня. Меня сразу пробрала дрожь: я избегала высоты всю жизнь – балконов, лестниц, даже крыш. Я невольно отступила: страх высоты сковал ноги. Но Нильс крепко взял меня за руку.

– Только первый этаж, – успокоил он.

Мы поднимались всё выше: один пролет, другой... Каждый шаг отдавался в коленях, ладони холодели, а сердце стучало так громко, что я боялась, что он услышит. Но его голос, тихий и уверенный, будто прокладывал мне дорогу вверх. И

вот мы уже стоим на самом верху. Внизу деревня казалась игрушечной, а сердце билось где-то в горле. Но его ладонь не отпускала мою.

– Ты справилась, – сказал он тихо, обнимая сзади. – Видишь? Ты сильнее страха.

– Только потому что ты рядом, – прошептала я, и в груди вспыхнула гордость за себя.

Закат разливался золотым светом по небу. Солнце тонуло за горизонтом, и мы стояли высоко, будто сами стали частью этого огромного мира. В такие минуты верилось, что всё возможно.

На обратном пути мы мечтали: о прогулках по моему городу, о будущем, о доме и детях. Разговоры казались наивными, но в них было столько искренности, что сердце верило каждому слову.

Когда наступила ночь, мы спустились вниз. Лес шумел, а звёзды освещали дорогу. Я слегка дрожала от прохлады, и Нильс закутал меня в свою куртку.

У калитки мы попрощались и договорились завтра снова встретиться. В ту ночь мне казалось, что впереди – только свет. Я не знала, что этот завтрашний день принесёт не только радость, но и встречу с тенями прошлого.

Глава 8

Сон покинул меня вместе с первыми криками петуха. Солнце только начинало разгонять прохладу, заливая комнату мягким золотом. Настроение поднялось: впереди ждал день – насыщенный, полный дел и встреч. Мы с Нильсом решили отправиться на велосипедах на кладбище. Тихие аллеи всегда умиротворяли мои мысли, а вечером нас ждал визит к его другу Рамилю, который собирался похвастаться новой приставкой. Я уже предвкушала смех, игры и радость.

Собравшись, я уложила в рюкзак печенье и сладости – дедушке, на могилу. Добавила маленькую пачку сигарет: он всегда сидел с ними на лавочке, когда жизнь казалась спокойной. Всё сложилось в корзинку моего старого чёрного велосипеда.

На повороте дороги Нильс уже ждал. Наши велосипеды звякнули колесами, катя по пыльной улице мимо фермы. Запахи свежего навоза и прохлады смешались, делая предвкушение ещё острее.

Дорога шла ухабами. На одном из бугров я зацепилась колесом за корягу и полетела вперёд, больно ударившись коленом. Кровь проступила сквозь лосины тонкой алой полоской. Жгучая боль смешалась с теплом солнца, словно само утро наблюдало за моей слабостью.

Нильс помог подняться, промыл колено водой, сорвал по-

дорожник и приложил к ране. Его взгляд – полный заботы и тепла – встретился с моим. В груди отозвалось трепетное волнение, и мы обменялись лёгким поцелуем – неловким, но искренним.

Наконец показались чугунные ворота кладбища. Велосипеды остались снаружи. Мы договорились пройтись по своим могилам отдельно и встретиться у выхода.

Родственники Нильса покоились близко к входу. Мне же пришлось уйти глубже, вглубь тенистых аллей. Паутина цеплялась за руки, вороны сидели на памятниках, словно наблюдая за каждым моим шагом.

Наконец я дошла до голубой ограды. За ней – могила дедушки. На сером граните – строгий, мужественный мужчина в милицейской форме. Его взгляд был твёрд и надежен, но я знала: за этой строгостью всегда скрывалась забота.

Дедушки не стало весной 2007 года. Всё произошло внезапно: испуганная лошадь ударила его копытом в грудь. Удар дал осложнение, болезнь переросла в онкологию... И вот его не стало, едва перевалило за пятьдесят. Вспоминая его улыбку, я не заметила, как глаза наполнились слезами. Тёплый ветер коснулся щеки, словно дедушка всё ещё был рядом.

Я оставила сладости и сигареты, простилась и вышла. Но у ворот меня охватило странное беспокойство. Ряды памятников словно нависли, и сердце заколотилось. Казалось, сама земля требовала, чтобы мы уходили.

Почти бегом я выбежала к Нильсу. Его лицо было таким

же взволнованным – он тоже чувствовал это. Мы молча сели на велосипеды и поспешили прочь, ощущая необъяснимое напряжение.

Вечером, по дороге в магазин, мы встретили Роксану. Она шла с парнем по имени Марк, и они держались за руки. Он оказался другом Нильса – высоким и спокойным, с мягкой улыбкой. Контраст с его спутницей был поразительным. Роксана сразу бросалась в глаза своим раздражением и нервозностью.

– Ну что, дружище, связался с этой истеричкой? – не удержался Нильс.

Марк засмеялся, а вот Роксана вспыхнула мгновенно. Её глаза полыхнули злобой, лицо перекосилось от ярости.

– Тиана, шлюха! – выкрикнула она, и в её голосе звенела ненависть. – Ещё пожалеешь, что встала у меня на пути!

Она вырвала руку из ладони Марка и почти бегом скрылась за углом, бросая через плечо проклятия. Марк, краснея и смущённо пожимая плечами, поспешил за ней.

Мы с Нильсом переглянулись. Его смех прозвучал облегчённо, но в груди у меня осталась тяжесть – как будто Роксана действительно могла исполнить угрозу.

Дом Рамиля оказался простым и уютным: диван напротив телевизора, стол со стопками дисков и старый ноутбук на стуле. Мы втроем играли, болтали, смеялись до ночи. День казался мирным и счастливым, словно всё напряжение исчезло.

Но утром деревня уже гудела. Слухи распространялись, будто огонь по сухой траве. В этих слухах утверждалось невероятное: будто я провела ночь с Рамилом. Услышав это от бабушки, я оцепенела. Вчерашний вечер был безобидным – и тем страшнее было осознавать, что кто-то пустил в ход ложь.

Я тут же подумала о Роксане: после её вспышки злости и проклятий казалось логичным, что именно она могла такое придумать. Но сомнение закралось в сердце – а что, если источник совсем другой? Возможно, кто-то совершенно неожиданно воспользовался моментом, чтобы пустить слухи.

Я не знала, кто на самом деле раскрыл мою невинность миру, и это непонимание заставляло меня чувствовать себя ещё более уязвимой. Завтрашний день обещал новые вопросы и, возможно, неприятные открытия.

Глава 9

Слухи разлетелись по деревне так же стремительно, как молния озаряет ночное небо. Стоило мне выйти на улицу, как шепот преследовал за спиной. Одни говорили, будто я каждую ночь покидаю бабушкин дом и тайком пробираюсь к Рамилю. Другие клялись, что видели меня ранним утром с «птичьим гнездом» на голове, словно я шаталась где-то до рассвета. Нашлись даже те, кто утверждал, что заметил, как я ночью выбегала из дома Рамиля – растрепанная и беспомощная. Всё это было ложью, но именно она жадно разрасталась в чужих устах.

Позже я узнала источник этих историй. Сплетни исходили от женщины из маленького магазина неподалёку от дома Рамиля. Она оказалась сестрой Георга – моего бывшего. И если её неприязнь держалась месяцами, то корни уходили в саму историю моих отношений с её братом.

Георг когда-то был влюблён в меня без памяти. Он первым обратил внимание, когда другие парни словно не замечали. Сначала я была польщена и позволила себе быть рядом с ним, но вскоре его чрезмерная любовь стала тяготить. Он мечтал жениться, говорил об этом снова и снова, а я чувствовала только усталость. Мне было рано связывать жизнь, и, когда Георг уехал на заработки, я решила расстаться. Разрыв по телефону казался самым безболезненным, но для него

это стало ударом. Его мечта о семье рухнула, и вместе с ней проснулась злость.

Я думала, что время смывает прошлое, но оказалось – оно лишь тлеет в сердцах, пока не вырывается наружу.

Когда вернулся отец с очередного рейса, слухи дошли и до него. Узнав, кто стоит за ними, он без колебаний направился в магазин и сурово поставил сплетницу на место. В деревне ещё долго пересказывали, как он, высокий и мрачный после дороги, вошёл в лавку и твёрдым голосом сказал, что не потерпит ни слова лжи о своей дочери. Женщина осунулась и замолчала, а люди, стоявшие в очереди, потом ещё неделями шептались о том, что с ней впервые кто-то справился. После этого никто уже не решался открыто обсуждать меня – слишком хорошо в деревне знали характер моего отца.

После этого дышать стало легче. Тяжесть, сковывавшая меня каждый день, будто рассеялась. Эти дни стали для меня глотком свободы. Нильс был рядом – и каждый час наполнялся светом. Мы гуляли по лесным тропам, смеялись, делились мечтами, сидели на траве, глядя в небо, и казалось, что мир принадлежит только нам двоим. Он шутил легко и тонко, мог подразнить меня или придумать смешное сравнение, от которого я не могла удержаться от смеха. И в то же время он всегда замечал мелочи: подаст руку, когда я спотыкаюсь, поправит мою сумку, будто всё это само собой разумеется. Я впервые позволила себе признаться – пусть только в мыслях – что люблю его всем сердцем.

Мы встречали закаты у костров, слушали песни и истории друзей, засыпали под звёздами. Лето с Нильсом стало самым ярким временем моей юности, и лишь тень предстоящего отъезда напоминала, что всё когда-нибудь заканчивается.

Вечером, накануне возвращения в город, судьба решила испытать нас. Мы шли с Нильсом по тихой улочке, когда внезапно навстречу вышел Георг. Его лицо было искажено злостью. Но в его глазах я на миг уловила знакомую боль – ту самую, что когда-то звучала в его словах о будущем. Он схватил меня за воротник и грубо дернул в сторону, выкрикивая оскорбления.

Нильс тут же шагнул вперёд. Его рука легла мне на плечо – спокойная, уверенная.

– Отпусти её, – сказал он твёрдо.

Георг лишь усмехнулся и толкнул его. Я почувствовала, как холодок пробежал по спине: они столкнулись грудь в грудь, и воздух вокруг будто стал тяжелее. Всё произошло слишком быстро: удар, схватка, пыль под ногами. Нильс держался стойко, его движения были резкими, но точными – он словно защищал не только меня, но и наше будущее. Георг же бросался с яростью, больше на отчаянного, чем на победителя. Я застыла, не в силах вмешаться, и лишь слёзы застилали глаза.

Мне казалось, что вот-вот всё оборвётся: одно неверное движение – и я потеряю Нильса. Внутри меня бушевала па-

ника и вина – ведь именно из-за меня они схлестнулись.

Наконец они разомкнулись, тяжело дыша. Георг, поняв, что проигрывает, выругался и бросил:

– Ладно, живите как хотите. Но меня забудь.

И в его голосе слышалась не только злость, но и усталость человека, которому разбили сердце. Он развернулся и ушёл, а Нильс остался стоять с ссадиной на щеке. Я кинулась к нему, осторожно коснулась его лица губами.

– Спасибо, – прошептала я, чувствуя, как внутри всё дрожит.

Наутро я уезжала. В вагоне электрички мир за окном размывался дождём, а я тихо дремала, уткнувшись в плечо Нильса. Казалось, что сама природа плачет о нашем расставании.

В тот момент я впервые поняла: любовь может быть и счастьем, и испытанием, но рядом с ним я готова пройти через всё.

На станции он проводил меня до дома, а сам отправился в общежитие. Впереди нас ждала учёба, экзамены и взрослая жизнь. Но я знала точно: каким бы трудным ни был путь, рядом с Нильсом я буду идти уверенно.

Глава 10

Первое сентября наступило незаметно. Школьники вновь потянулись к воротам, предвкушая встречу друг с другом и первые уроки нового года. Атмосфера праздника витала в воздухе, пахло свежей листвой и мокрым асфальтом, будто сама осень пришла встречать нас у ворот.

Я облачилась в наряд, приготовленный заранее: чёрную юбку-солнце до колен, белоснежную блузку и лёгкие балетки. Из-за забора меня окликнула Алия – моя лучшая подруга. Её зелёные глаза сияли радостью, а темно-русые косички забавно подпрыгивали при каждом шаге. Мы крепко обнялись, словно хотели наверстать всё лето разлуки.

– Ну как ты без меня выжила? – засмеялась она, дернув меня за локоть так резко, что я чуть не потеряла равновесие.

– Плакала в подушку, – подыграла я.

– Врёшь, наверняка без меня отлично провела лето, – фыркнула Алия, хитро прищурившись. – Ладно, прощаю, но только если сегодня расскажешь всё самое интересное.

– Вот ещё! – парировала я и показала язык. – Если и расскажу, то только половину.

– Ну, готовься: я вытрясу из тебя всё, – грозно пообещала Алия, но тут же расхохоталась.

Мы заняли привычное место на последней парте. Учёба давалась мне легко, но сейчас хотелось только одного – поскорее встретить Нильса.

После линейки он ждал меня у школы с букетом ярко-красных роз. Его глаза блестели, когда он протянул цветы.

– С первым сентября, Тиана, – сказал он мягко.

– Спасибо. Они прекрасные, – ответила я и коснулась его щеки поцелуем.

Мы решили зайти к нему в общежитие. В комнате было скромно: пара кроватей, шкаф, тумбочки. В воздухе пахло крепким чаем и свежей краской – видимо, стены недавно обновили. Где-то за стенкой громко смеялись ребята, и мне стало чуть неловко: я словно оказалась в пространстве, где каждый звук напоминал о новой, взрослой жизни.

Один из соседей представился:

– Кевин, приятно познакомиться.

– Тиана, – ответила я и улыбнулась, чувствуя лёгкий румянец.

Он улыбнулся в ответ так открыто и тепло, что стало

немного неловко – в его взгляде не было ни тени фальши. Он слегка наклонил голову, будто хотел добавить что-то ещё, но передумал. «Простой, но очень добрый», – мелькнула мысль, и почему-то мне захотелось узнать его получше. Я украдкой посмотрела на Нильса – он ничем не выдал, что заметил этот короткий обмен. Но внутри у меня дрогнуло странное чувство.

Когда Кевин ушёл по делам, мы остались вдвоём. Чай, фильм, шутки – время пролетело незаметно. Вечером Нильс проводил меня домой, и мы долго бродили по парку, где в озерах отражался закат.

На следующий день родители уехали на дачу, и я пригласила Нильса ко мне. Мы устроили маленький праздник: смеялись, смотрели передачи, делили плитку шоколада. Когда легли, тишина стала особенно осязаемой. Его рука осторожно коснулась моей, а затем скользнула чуть ниже, и сердце ударилось сильнее, дыхание сбилось. Я замерла.

– Нильс... – прошептала я.

Он остановился, вглядываясь в меня.

– Прости. Я не хочу спешить, – сказала я тише.

На миг мне показалось, что он отдернёт руку и обидится. Но вместо этого он только глубже вдохнул, словно проглотил собственное нетерпение.

Он обнял крепче и только шепнул:

– Хорошо. Я подожду.

И в этот момент я впервые ощутила: он услышал не только слова, а сам мой страх. Услышал и принял. Я лежала в его объятиях и думала: «Разве так бывает? Чтобы человек понял тебя без объяснений». Это было новое, хрупкое счастье, которое я боялась даже потревожить.

На тумбочке тихо завибрировал телефон. Нильс на долю секунды напрягся, взгляд его померк, он чуть наклонился, посмотрел на экран и тут же убрал телефон в карман так быстро, словно это было случайное движение. Я услышала только едва различимое «всё в порядке», но в нём послышалось что-то отдалённое. Это мелькание, этот короткий морг – он ничем не объяснил, но я почувствовала холодок сомнения.

Утро было иным – яркий свет, запах тостов и чая. Мы вели себя так, будто ничего не произошло, но внутри меня уже поселилось чувство, от которого не спрятаться. Я впервые поняла: с ним я становлюсь другой – смелее и уязвимее одновременно. Но где-то глубоко в сердце шевельнулся неясный страх: а вдруг однажды его не окажется рядом? Эта мысль уколола, и я поспешила прогнать её, но она не отпускала.

Глава 11

Через несколько дней мы встретились снова.

– Пойдём в парк Трёх озёр, – написал Нильс, и я, не раздумывая, согласилась.

В тот день было пасмурно, лёгкий ветер тянул запах сырой травы и прелых листьев. Я шла к нему с тихим волнением – скучала, хотела обнять, почувствовать его руку в своей. Когда я подошла, он отвёл взгляд к телефону: на секунду мелькнул аватар – рыжие волосы, подпись «Лана». Он спрятал экран в карман, как будто этого не было. В груди сыграл резкий бой: рядом с ним стоял Кевин.

– Привет, – сказала я, стараясь улыбнуться, хотя внутри всё сжималось от непонимания.

– Привет, – кивнул Нильс. Его голос был ровным; привычное тепло исчезло, как будто кто-то потушил лампу в комнате. Он улыбнулся как обычно, но его пальцы дрогнули у телефона, и на долю секунды лицо померкло. Я ощутила странный холодок – будто он уже не принадлежал мне.

Почему он позвал меня гулять, если рядом был Кевин и мелькнуло имя другой девушки? Почему держался так, будто я чужая? В груди забурлила боль, смешанная с растерянностью и растущим недоумением. Я хотела спросить, но слова застряли между горлом и сердцем.

Всю прогулку Нильс выглядел холодным и отстранённым. Его пальцы едва касались моей руки, словно прикосновение было обязательным, а не желанным. Обычно он мог шутить, смеяться, крепко сжимать мою ладонь, но сегодня я чувствовала чужого человека рядом. Кевин смеялся так открыто, что Нильс невольно повторял шутки, а я вжималась в свою куртку, словно становилась прозрачной. Я пыталась включиться в их разговор – и снова ощущала себя лишней, ненужной деталью в отлаженном механизме. Кевин иногда бросал на меня быстрые взгляды; его звонкий, добродушный смех звучал как светлая нота, и тепло его манеры общения немного успокаивало, но это всё равно не заменяло тепла, которое раньше давал Нильс.

Прогулка оказалась короткой. Я пыталась оправдать его поведение: «Возможно, смущён перед другом, просто неловко», – но последующие дни разрушили надежду. Каждое моё сообщение игнорировалось или отвечалось сухо и односложно. Душа опустела, еда перестала идти в горло, мысли метались, а настроение стало мрачнее ночи.

Решившись всё выяснить, я отправилась в его общежитие. Шагая по улицам, слушала меланхолические песни в наушниках – каждая нота словно повторяла мои вопросы и боль. У двери я набрала его номер. Тишина. Ещё раз. И ещё. На экране вспыхнуло сообщение: «Я занят. Не выйду». Мгновенно я представила его взгляд в конце строки – холодный и отстранённый, как будто его уже увлекла совсем другая ис-

тория. Слёзы сами полились – горячие, злые, обжигающие. Я стояла, развернулась и пошла домой, почти не видя дороги, словно ноги не принадлежали мне.

Двадцатого сентября, заглянув на его страницу в соцсетях, я увидела то, чего боялась. Фото: Нильс и незнакомая девушка, та самая Лана с рыжими волосами, прижаты друг к другу так близко, что всё стало ясно без слов. Пальцы задрожали. Я написала: «Ты не хочешь ничего объяснить?» Ответ пришёл почти сразу: «Нам надо расстаться. У меня есть девушка уже несколько дней. Мне надоело тебя обманывать».

Разочарование ударило, как нож. В груди словно щелкнуло что-то внутри; в руке был стакан с водой, и я со злостью швырнула его в стену. Стекло звякнуло и рассыпалось мелкими осколками, как мои надежды на него.

Я прислонилась к окну и смотрела вниз. Взгляд на улицу стал стеклянным и дальним. Пытаясь взять себя в руки, медленно спустилась на пол. Горячие слёзы текли без остановки. Лежа на холодном полу, смотрела в белый потолок и думала: «Почему именно со мной? Почему тот, кому я доверила сердце, оставил меня одну?»

Не знаю, сколько прошло времени, когда рядом оказалась Алия. Она ничего не сказала – просто обняла. Её дыхание было ровным и спокойным, словно спасательный круг в ледяной воде, который удерживал меня, когда мир проваливался.

– Пошли на стадион, – сказала она. – Беги, выдыхай всё.

Я побежала. Каждый шаг отбивал ритм моей злости и грусти, воздух охлаждал лицо, но дышать становилось легче. Холодный воздух обжигал лёгкие, и на мгновение становилось легче. Со временем пробежки с Алией превратились в привычку, помогая отвлечься от тяжёлых мыслей. Боль не уходила, но движение дарило облегчение, позволяло хоть немного дышать.

И всё же внутри продолжало закипать желание – отомстить той девушке, которая увела моего любимого. И одновременно оставалось непонимание: почему он так резко переключился? Любил ли он меня вообще?

Глава 12

Прошло две недели. Каждый день я просыпалась с мыслями о нём и засыпала, снова прокручивая в голове все воспоминания. Музыка стала моим убежищем: я искала в песнях наше лето, ту лёгкость и нежность, которые, как мне казалось, хранились между строк. Я верила, что однажды он напишет, признается в ошибке, скажет, что любит только меня, а я буду ждать этого дня сколько нужно. Слова, произнесённые им о любви, не могли оказаться пустыми. И всё же я не позволяла себе написать первой – гордость держала меня на месте, хотя сердце разрывалось от недосказанности.

Учебный год принес перемены и новые возможности. Однажды я решила сделать фото для социальных сетей, аккуратно подобрав позу, ракурс и освещение, чтобы подчеркнуть лучшее. Сидя на прохладном подоконнике с чашкой ароматного тёмного чая, я почувствовала, как вечер наполняется особенной атмосферой: жёлтые фонари горели за окном, воздух был прозрачен, и каждый момент казался почти кинематографичным. Фотография, отправленная в сеть, казалась мне не просто снимком – это была попытка привлечь его внимание, дать понять, что я всё ещё здесь, ждала и надеялась. Сердце слегка дрожало: ожидание отклика наполняло тело тревогой и предвкушением.

Неожиданно откликнулся вовсе не тот, кого я ожидала.

– Привет, отлично выглядишь! – написал Кевин.

Моя первая реакция была смесью удивления и смущения: я была уверена, что комплимент пришёл от Нильса, хитрый способ вернуть меня.

– Привет, а это Нильс попросил тебя написать мне? Для чего? – ответила я.

Но Кевин оказался прямым и откровенным, развеяв все сомнения мгновенно.

– Нет, это по моей инициативе. Просто хочу сказать, что ты нравишься мне. Теперь, когда ты свободна, понял, что не могу оставаться равнодушным, – признался он без колебаний.

– Тебе не мешает то обстоятельство, что я бывшая девушка твоего друга?

– Почему мне должно это мешать? Ведь Нильс всё сказал тебе.

В его словах была уверенность и спокойствие, и в этот момент я почувствовала, что, возможно, именно с ним можно говорить откровенно и узнавать правду.

Мы встретились в парке Трёх озёр, где недавно звучали наши с Нильсом счастливые голоса и шутки. Осень окутала парк лёгкой печалью: под ногами шуршали листья, воздух был свеж и прозрачен. Кевин шёл рядом, его ладонь ненавязчиво потянулась к моей, но я мягко убрала руку, ощущая смешанное чувство доверия и осторожности. Было трудно принять эту близость.

Разговор с ним постепенно становился серьёзным, открывая детали, скрытые от посторонних глаз. Я узнала, что новую избранницу Нильса зовут Лана, она первокурсница, недавно приехавшая учиться из провинции. Они познакомились в студенческом общежитии во время его выходного: Нильс немного выпил, она проявила инициативу, и их короткая ночь страсти стала причиной моего расставания с ним. Девушка выглядела довольно нелепо: невытая челка, неуклюже подобранная одежда и простая фигура выдавали её провинциальность. Но самое болезненное для меня – это то, что он сделал выбор именно с ней, оставив меня в прошлом.

Я слушала Кевина и постепенно понимала, что дело было не в новой девушке, а во мне. Расставание произошло из-за моего отказа в близости, из-за того, что я не позволила Нильсу большего. Я мучительно пыталась понять, была ли я недостаточно хороша для него, и ощущала внутреннюю борьбу: с одной стороны сердце рвалось к Нильсу, с другой – Кевин давал заботу и тепло, которых мне так не хватало. Эта мысль обожгла сердце до боли, и слёзы сами покатались по щекам.

Кевин подошёл ближе, осторожно положив руки мне на плечи, стараясь утешить. Я позволила себе опереться на его крепкое плечо, ища утраченную заботу и тепло. Его губы попытались коснуться моих, тихо и осторожно, и я мимолётно уступила чувству близости. Поцелуй был аккуратным и нежным, но сердце не дрогнуло. Я чувствовала только вину

– перед ним, перед собой и перед своей любовью к Нильсу.

Но несмотря на угрызения совести, я жадно тянулась к его теплу, как к спасению, которого так не хватало. В то же время глубоко внутри я понимала, что Нильс всё ещё живёт в моём сердце, и этот внутренний огонь не утихнет, оставляя меня в смятении между прошлым и настоящим. Я почувствовала странное сочетание боли и надежды: боль – от того, что потеряла его, и надежду – что, может быть, кто-то ещё сможет заполнить пустоту, но не вытеснить любовь.

Глава 13

После очередного школьного дня я направилась к берегу озера. Там тянулся к воде одинокий пирс из старых деревянных досок, пахнувших сыростью и временем. Берег окружали деревья, будто сошедшие с осенней открытки: красные, золотые, оранжевые. Особенно выделялся пёстрый клен – его крона горела, словно пламя.

Я устроилась на скамейку, достала из рюкзака блокнот и коробку цветных карандашей, чувствуя вдохновение, разливающееся внутри. Взяв карандаш, я осторожно провела линию, отражающую силуэт, а потом добавила тонкие штрихи деревьев, пролетающих чаек и серый оттенок осеннего неба. Пока рука скользила по бумаге, мысли неожиданно обратились в поэзию. В голове вспыхнули строки – резкие и яркие, как гроза среди июльского неба. Я неспешно записала их на чистой странице, и они сами собой превратились в четверостишья, а затем – в целое стихотворение.

"Прячу звёзды я в сером тумане,

Их не видит никто... Ну и пусть!

Ты утонешь в них, как в океане..."

– говорила влюблённая грусть.

Тихо ветер обламывал фразы,

Донесённые с вещего сна.

Твою ложь и твои рассказы

До сих пор вспоминает она...

Ты молчишь, её крика не слыша.

Ломит сердце, болит её грудь.

Пустота... Вода капает с крыши.

Так печальна влюблённая грусть.

Ты укроешь её одеялом,

А она... заревёт в ответ.

Ты не будешь её идеалом...

У тебя таких глаз, увы, нет.

Ты глядишь на неё так уныло,

Знаешь мелочи все наизусть.

Твоё сердце горело... остыло!!!

Тебе жалко влюблённую грусть...

Несколько дней пролетели привычным образом. Я всё ещё общалась с Кевином, но облегчения от этого не появилось. Всё оставалось как раньше: Нильс продолжал встречаться с Ланой, и казалось, что их счастье искреннее, что только усиливало раздражение и обиду во мне.

Иногда мы гуляли с Кевином, бродили по улицам города, задерживаясь в кафе или торговом центре. Я замечала, как он пытается быть весёлым и заботливым, улыбается чаще обычного, словно старается заполнить пустоту между нами. Но разговоры становились всё менее содержательными, чаще сводились к обсуждению общего знакомого или тихой, неловкой болтовне, которую порой прерывали редкие шутки. В такие моменты одиночество ощущалось особенно остро: хотелось открыться, но страх обмана всё ещё держал меня в плену.

В один из промозглых дней Кевин позвал меня в общежитие – посмотреть фильм. Он уверял, что Нильса рядом не будет. Я согласилась, хотя в глубине души надеялась увидеть именно его. Комната встретила знакомой обстановкой: та же мебель, те же стены. Ведь совсем недавно я нежилась с Нильсом на соседней кровати, мечтательно глядя в потолок,

а сегодня находилась здесь с другим парнем.

Кевин сварил какао, и аромат сладкого напитка наполнил комнату. Я вдохнула его запах – густой, пряный, тёплый – и на мгновение мне показалось, что это прикосновение уюта, которое я давно потеряла. Я устроилась на узкой кровати, поджав ноги по-турецки, а он сел рядом, обнял за талию и включил фильм. Всё казалось натянутым и искусственным. Я замечала, как Кевин старается подобрать слова, как его глаза ищут мои, чтобы убедиться, что мне комфортно. Он тоже был напряжён, чувствовалось его желание понравиться и одновременно сомнение.

Вскоре дверь распахнулась настежь, и сердце моё рухнуло вниз. Перед нами предстали Нильс и Лана, улыбающиеся и оживлённые. Я встретила взгляд Нильса, и глаза мои молча кричали: «Глупый, разве не видишь? Я же люблю тебя!» Но он отвёл взгляд, словно стыдясь. Лана казалась радостной и самоуверенной, не подозревая, какой хаос она сеет внутри меня.

– Привет, меня зовут Лана. Надеюсь, ты не против, что я здесь? – произнесла девушка с неприятной самоуверенностью.

– Привет, всё нормально, – сухо ответила я, скрывая раздражение.

Парни покинули комнату. Оставшись наедине, мы столкнулись лицом к лицу. Внутри бурлили эмоции, хотелось сорваться и уйти прочь, но я сдержалась. Лана пыталась гово-

ритель дружелюбно, но её взгляд выдавал лёгкое напряжение – видно, что ей важно произвести впечатление и понравиться.

Она расспрашивала о моём расставании с Нильсом и отношениях с Кевином. Мне пришлось лгать, изображать равнодушные и притворяться, что с Кевином у нас всё замечательно.

Но вдруг она с глупой непосредственностью сказала то, что ударило сильнее, чем пощёчина. Оказывается, Кевин советовался с Нильсом перед тем, как завести со мной отношения, и тот разрешил. Более того, они обсуждали меня. Лана даже пересказала его слова:

«У Тианы глубокие красивые глаза, смотришь в них – и хочется тонуть, не прося о помощи. Этим она и манит».

Я сжала кулаки, внутри всё дрожало от боли и обиды. Чувство несправедливости и ревности смешалось с любопытством: почему Нильс до сих пор так влияет на моё восприятие людей? Хотелось закричать или заплакать, но я упрямо держала лицо – не позволяя слабости проявиться.

Когда Нильс и Кевин вернулись, Нильс забрал Лану, а мы остались с Кевином вдвоём. После их ухода я чувствовала себя сломленной: рыдания душили меня изнутри. Губы дрожали, и я не смогла удержать слёз.

В этот момент тёплые руки Кевина коснулись меня, пытаюсь успокоить. Я почувствовала тревогу и внутреннее сопротивление. Кевин выглядел растерянным, ему хотелось помочь, но он чувствовал мою границу и не хотел навредить.

Он попытался приблизиться, но я отстранилась.

– Я не хочу! – прошептала я, голос дрожал.

Кевин замер, затем тихо извинился и отошёл. Я почувствовала не только облегчение, но и горечь – насколько сложно доверять людям, когда сердце ещё с кем-то другим. Несколько минут спустя он вернулся, снова извиняясь, но я почти не слышала его слов – голова была пустая, будто набитая ватой.

– Никому не рассказывай... – прошептала я.

– Я и не собирался, – коротко ответил он.

Мы вышли из общежития вместе, на улице падал первый октябрьский снег. Белые хлопья ложились на волосы, на ладони, таяли и исчезали, а мир вокруг постепенно накрывался белоснежным одеялом. Как бы я хотела, чтобы Нильс был рядом. Мы бы лепили снеговиков, кидались снежками друг в друга, делали снежных ангелов, а потом долго и нежно целовались.

Мечты погрузили меня в другой мир, но резко голос Кевина вернул в реальность:

– Пока, я пошёл, – проводил он меня до дома и обнял на прощание. С тех пор он больше не писал.

Зато Лана буквально осыпала меня сообщениями: каждый день она навязывалась в подруги и делилась глупостями. Я отвечала дружелюбно, но за маской скрывала истинное – пыталась рассорить их с Нильсом, выведать тайны их отношений и планы на будущее. Лана, не подозревая, насколько

я хитра, продолжала писать, создавая себе иллюзию дружбы.

Глава 14

Летели дни, словно птицы, одна за другой, и каждая оставляла после себя то пустоту, то тихое раздражение, то бессмысленную усталость. Иногда я просыпалась в слезах, иногда – в злости, а иногда просто лежала и смотрела в потолок, ничего не чувствуя. Тоска по любимому человеку съедала меня изнутри, но проявлялась по-разному: то давила тяжестью, то прожигала гневом, то накрывала волной апатии.

Последняя прогулка с Ланой окончательно убедила меня разорвать наше общение. Я заранее готовила себя к этим встречам, но каждый раз, идя к ней, чувствовала, как внутри поднимается тревога и едкий холод обиды, а каждая новая история о её счастье с Нильсом становилась ударом по моему самолюбию. Я уже не плакала, а скорее ощущала злость и обиду, словно кто-то намеренно вонзал иголки в мои раны.

Чтобы отвлечься, я погрузилась в мир магических ритуалов: ежедневно повторяла мантры возвращения любви, читала старинные заговоры и воображала, как любимый возвращается ко мне. Иногда мне казалось, что от аромата горящих свечей и трав кружится голова – он пах сладко-горько, как моя надежда, и слегка обжигал ноздри. Но фантазия играла со мной страшную шутку, рисуя неприятные картины: его нежные прикосновения к другой, утренние поцелуи, ласковые слова, обращённые не ко мне... Эти картины всплывали

резким запахом чужих духов в памяти, и я невольно отдергивала руки от стола, сжимая их до боли.

И вот однажды, совсем потеряв надежду, я решилась обратиться к древнему искусству гадания – вызвать дух с помощью простого блюдца и стрелочки. Вместе со мной на авантюру согласилась моя лучшая подруга Алия. Закрыв шторы и зажёгши свечи, мы создали таинственную атмосферу, необходимую для общения с потусторонним миром. Пламя свечей дрожало, отбрасывая причудливые тени вдоль стены. В комнате пахло воском и чуть гарью, запах был тёплым, будто старый сундук бабушки, и это неожиданно успокаивало меня, словно возвращая в детство, где я чувствовала себя защищённой.

Взявшись за руки, мы произнесли заветные слова трижды подряд:

– Дух, приди!

Затем последовал осторожный вопрос:

– Ты здесь?

Стрелка уверенно двинулась по кругу, показывая ясное «ДА». Это было начало удивительного путешествия в неизвестность. Сердце стучало как безумное, а ладони стали влажными – то ли от страха, то ли от восторга. Я чувствовала, как холодный воздух в комнате стал плотнее, будто кто-то ещё присутствовал рядом.

Несколько часов длился диалог с невидимым собеседником. Мы подготовили заранее написанные вопросы, надеясь

разгадать тайны будущего. Дух поведал нечто невероятное: вскоре Нильс и я воссоединимся, наши пути пересекутся в деревне третьего января ровно в 14:02. Я не знала, радоваться или бояться, но сердце ухватило за это обещание, как за единственный шанс.

Новый год мы встречали в деревне – в доме маминой подруги. Дом был полон гостей: смех, звон бокалов, запахи праздничных блюд. Аромат корицы и горячего шоколада окутывал комнату и грел сильнее, чем батареи. Мы устраивали конкурсы, играли, веселились, а в полночь я написала на бумажке своё желание – чтобы Нильс вернулся ко мне в этом году, и подожгла её, бросив в бокал шампанского и опустошив до дна.

Затем я переехала в дом бабушки на каникулы и стала ждать. Каждое утро начиналось одинаково: я смотрела на часы и думала: а вдруг именно сегодня. Я знала, что он находится рядом, что он тоже приехал в поселок. С каждой минутой ожидание становилось как больное сердце, колющее изнутри. День третьего января тянулся бесконечно. Я ждала часа, назначенного судьбой, но ничего не произошло – ни письма, ни встречи, ни поцелуя... только тишина.

Не выдержав, я написала Нильсу огромное признание. Каждое слово рвалось из груди, и письмо получилось длинным, переполненным чувствами. Я нажала «отправить» – и ждала. Но вместо ответа он лишь высмеял мои чувства и добавил меня в чёрный список. В тот момент мир словно поте-

рял цвета, а звук снега под ногами стал оглушающе громким. Мир рухнул, а боль была такой сильной, что хотелось выть. Я не упала в истерику, а словно окаменела – слова больше не шли, только сухая пустота внутри.

Тут же написала Лана: она видела моё сообщение Нильсу и требовала объяснений, почему я её обманывала. Я не выдержала и молча заблокировала её.

Кевин тоже больше не появлялся. После того признания и той неловкой встречи он исчез, и это стало для меня своеобразной точкой – я понимала, что прошлое нельзя вернуть через других людей. Его молчание оказалось честнее любых слов.

На следующий день я бродила по заснеженным дорогам деревни. Белые сугробы скрывали под собой наши камни у плакучей ивы, те, что мы подписали вместе с Нильсом. Я искала их в снегу, но напрасно. Каждая улица, каждая скамейка здесь напоминала о нём. Всё вокруг казалось живым свидетелем нашей истории, переросшей в нескончаемые страдания от неразделённой любви. Я ощущала запах морозного воздуха – резкий, чистый, словно ножом по лёгким. Этот запах отрезвлял и одновременно усиливал боль. Я чувствовала не только тоску, но и злость: почему я должна страдать, когда он смеётся с другой?

Размышляя обо всём случившемся, мой телефон пискнул: пришло сообщение от Катрины, местной диджеи:

– Привет, Тиана, я видела тебя на нашей улице, может,

встретимся?

Мы пересеклись на одной из улиц и пошли к дому Марка. Оказалось, что он расстался с Роксаной и теперь встречался с Катриной. Рядом с его домом пахло приятной горечью дыма, исходящего из трубы сельской бани. Этот запах вдруг напомнил мне детство – субботние вечера у бабушки, простые и спокойные. Марк принес нам на улицу кружки с горячим чаем, и тепло постепенно разлилось по телу. С ними я почувствовала себя спокойно и уютно, словно боль немного отступила. Катрина смущённо поправляла свои длинные русые волосы, а глаза её сияли тихой надеждой – она была другой, чем я привыкла видеть, мягкой и немного растерянной. Ребята позвали меня вечером на дискотеку, и я согласилась.

В клубе музыка играла так, что вибрировал пол, прожекторы резали темноту, а народ танцевал без устали. Я чувствовала, как басы проходят сквозь меня, выталкивая изнутри остатки слёз. Я смеялась, кружилась с Катриной и Марком, пила шампанское, но всё время поглядывала на дверь в надежде увидеть вошедшего Нильса, но его так и не было. Даже Макар оказался здесь, играл в пинг-понг в комнате настольных игр.

Разочарование снова подкралось, и я стала пить больше, танцевать ярче, словно в попытке утомить в шуме свою печаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.